

КРЮСЛЕН (KRUSLIN) против ФРАНЦИИ

Судебное решение от 24 апреля 1990 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

В апреле 1985 г. Обвинительная палата Апелляционного суда Тулузы направила дело г-на Крюслена в суд ассизов департамента Верхняя Гаронна по обвинению его в пособничестве и подстрекательстве к убийству, краже при отягчающих обстоятельствах и попытке совершения кражи также при отягчающих обстоятельствах. Одной из улики явилась запись телефонного разговора, который заявитель вел по аппарату, принадлежащему третьему лицу. Запись была сделана по просьбе судьи, участвовавшего в судебном следствии в Сен-Годенсе в связи с другим делом. Жалоба г-на Крюслена в Кассационный суд относительно законности прослушивания его телефонных разговоров была отклонена.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Жалоба г-на Крюслена от 16 октября 1985 г. на нарушение статьи 8 Конвенции была признана Комиссией приемлемой 6 мая 1988 г. В своем докладе от 14 декабря 1988 г. Комиссия выразила мнение (десятью голосами против двух) о том, что в данном случае имело место нарушение статьи 8 Конвенции. Дело было передано Комиссией в Суд 16 марта 1989 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 8 конвенции

25. Г-н Крюслен заявляет, что в данном деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов во осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах

государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

Правительство оспаривает это заявление, в то время как Комиссия согласилась с ним по существу.

26. Хотя прослушивались телефонные разговоры г-на Террьё, полиция попутно записала несколько телефонных разговоров г-на Крюслена. Один из них имел прямое отношение к возбужденному против него уголовному делу (см. п. 9—10). Таким образом, данное прослушивание подпадает под определение “вмешательство публичной власти” в осуществление права заявителя на уважение его “тайны корреспонденции” и его “личной жизни” (решение по делу Клас и другие от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 21, п. 41 и решение по делу Мэлоун от 2 августа 1984 г. Серия А, т. 82, с. 30, п. 64). Правительство это не оспаривало.

Указанное вмешательство властей является нарушением статьи 8 Конвенции, если только оно не “предусмотрено законом”, не преследует одну или несколько правомерных целей, перечисленных в п. 2 статьи 8, а также не является “необходимым в демократическом обществе” для достижения таких целей.

А. “Предусмотрено законом”

27. Положение “предусмотрено законом” в смысле статьи 8 п. 2 требует, во-первых, чтобы рассматриваемые действия властей имели основания во внутреннем законодательстве. Одновременно данное положение имеет в виду и качество конкретного закона. Она требует, чтобы закон был доступен для заинтересованного лица, которое могло бы предвидеть последствия его применения в отношении себя, а также, чтобы закон не противоречил принципу верховенства права.

1. Наличие законного основания во французском праве

28. Вопрос о том, соблюдено ли в данном деле первое условие, явился предметом спора в Комиссии и Суде.

Заявитель дал на него отрицательный ответ. Он считает, что ст. 368 Уголовного кодекса в принципе запрещает прослушивание телефонных разговоров (см. п. 18 выше). Эта норма имеет приоритет над ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса, которая запрещает прослушивание не в столь категоричной форме и требует от судебного следователя, поступать так, как “предусмотрено законом”, то есть в соответствии *inter alia* со ст. 368 Уголовного кодекса, когда он санкционирует оперативные действия, “необходимые для установления истины” (см. п. 17 выше). Статьи 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса по мнению заявителя ничего при этом не меняют, поскольку судебные следователи не могут делегировать офицерам судебной полиции полномочия, которыми не обладают сами. Представитель Комиссии согласился с последним соображением заявителя.

По мнению Правительства, между ст. 368 Уголовного кодекса и ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса нет никаких противоречий, особенно если принять во внимание законоподготовительные материалы к Уголовному кодексу (см. п. 18 выше). Правительство утверждает, что Уголовно-процессу-

альный кодекс не содержит исчерпывающего списка оперативных мероприятий, находящихся в распоряжении судебного следователя. Например, в нем нет обычных следственных действий такого рода, как фотографирование, снятие отпечатков пальцев, наружное наблюдение, выемка, очные ставки свидетелей (см. п. 15 выше). Статью 81 уточняют положения статей 151 и 152, а также сложившаяся судебная практика (см. п. 17 и 20—21 выше). Под понятием “закон” статья 8 п. 2 Конвенции понимается закон, действующий в конкретной правовой системе. В данном случае — это соединение писаного права (главным образом статей 81, 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса) и судебной практики, толкующей нормы первого.

Представитель Комиссии считает, что в континентальных странах, включая Францию, только “правовой акт общего действия”, независимо от того, принят он Парламентом или другим органом, может иметь силу “закона” для целей статьи 8 п. 2 Конвенции. Известно, что в ряде своих прежних решений Суд высказался в том смысле, что понятие “закон” в выражении “предусмотрено законом” включает как писанное, так и не писаное право” (см. решение по делу “Санди таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 30, п. 47, решение по делу Даджена от 22 октября 1981 г. Серия А, т. 45, с. 19, п. 44, а также по делу Чаппел от 30 марта 1989 г. Серия А, т. 152, с. 22, п. 52). Однако, как заявил представитель Комиссии, в перечисленных выше судебных делах Суд имел в виду только систему “общего права”. Но эта система радикально отличается от французской системы. В последней судебная практика является, несомненно, очень важным, но “вторичным” источником права, в то время как под понятием “закон” Конвенция понимает “первичный источник права”.

29. Подобно Правительству и представителю Комиссии, Суд прежде всего подчеркивает, что толкование и применение внутреннего права это прерогатива национальных властей и особенно судов (среди прочих решений см. ранее упомянутое решение по делу Мэлоун. Серия А, т. 82, с. 36, п. 79 и решение по делу Эриксона от 22 июня 1989 г. Серия А, т. 156, с. 25, п. 62). Поэтому Суд не должен придерживаться мнения, противоречащего позиции национальных властей по поводу того соответствует или нет прослушивание телефонных разговоров, осуществляемых по постановлению судебных следователей, статье 368 Уголовного кодекса. В течение многих лет национальные суды, и в частности, Кассационный суд, рассматривают статьи 81, 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса в качестве юридического основания возможности прослушивания телефонных разговоров офицером судебной полиции на основании предписания судебного следователя.

Нельзя игнорировать сложившуюся судебную практику. В отношении статьи 8 п. 2 Конвенции и других аналогичных статей Суд всегда понимал и понимает термин “закон” в его “сущностном”, а не “формальном” смысле. Он включает как акты более низкой категории, чем закон (см. в частности, решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. Серия А, т. 12, с. 45, п. 93), так и неписаное право. Решения по делам “Санди таймс”, Даджена и Чаппела касались, правда, Великобритании, однако было бы неправильным преувеличить различия между странами общего права и континентальными странами, на что справедливо указало Правительство. Статутное право значимо и в странах общего права. И наоборот, судебная практика традиционно играет столь существенную роль в континентальных странах, что целые направления позитивного права в значительной степени являются ее результатом. Безусловно, Суд неоднократно

учитывал это (в частности, решение по делу Мюллер и другие от 24 мая 1988 г. Серия А, т. 133, с. 20, п. 29, решение по делу Салабяку от 7 октября 1988 г. Серия А, т. 14А, с. 16—17, п. 29, решение по делу АО “Маркт интерн Верлаг” и Клаус Берман от 20 ноября 1989 г. Серия А, т. 165, с. 18—19, п. 30). Если бы Суд не принимал во внимание судебную практику, то тем самым он подорвал бы правовую систему континентальных государств почти в такой же степени, в какой решение по делу “Санди таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 30, п. 47) “потрясло бы до основания” правовую систему Великобритании, если бы Суд исключил общее право из понятия “закон в смысле Конвенции”. В сфере действия писаного права, “законом” является действующий правовой акт, как он истолкован компетентными судебными органами в свете новых практических обстоятельств.

Таким образом, вмешательство властей, на которое жалуется заявитель, имеет законное обоснование во французском праве.

2. “Качество закона”

30. Второе требование, вытекающее из формулы Конвенции “предусмотрено законом”, т. е. требование о доступности закона, не создает трудностей в настоящем деле.

Однако этого нельзя сказать в отношении третьего требования, требования о предсказуемости закона, если проанализировать истинный смысл и суть принимаемых властями мер. Как указал Суд в решении по делу Мэлоун от 2 августа 1984 г., статья 8 п. 2 Конвенции “не ограничивается тем, что отсылает к внутреннему праву, но говорит также о качестве закона, который должен соответствовать принципу “верховенства права”. Данное положение “подразумевает..., что во внутреннем праве должны существовать оградительные меры от произвольного вмешательства властей в осуществление гражданами своих прав, гарантированных пунктом 1... Именно там, где исполнительная власть осуществляет свои функции втайне, становится особенно очевидной опасность произвола.... Несомненно... требование Конвенции, особенно в отношении предсказуемости закона, не могут быть неизменными в таком специальном вопросе, как перехват распространяемой по каналам связи информации для целей полицейского расследования”.

— в ходе такого расследования:

“соответствующий закон может создавать некоторые ограничения для лица. В частности, требование предсказуемости не рассчитано на то, что лицо может “предвидеть”, когда власти планируют перехватить его информацию, и соответственно скорректировать свое поведение. Тем не менее формулировки закона должны быть достаточно ясными и понятными, с тем чтобы предоставить гражданам необходимую информацию относительно обстоятельств и условий, при которых публичная власть наделяется полномочиями для скрытого и потенциально опасного вмешательства в осуществление права индивидуума на уважение его личной жизни и корреспонденции.

... [В судебном решении от 25 марта 1983 г. по делу Сильвер и другие Суд] постановил, что “в законе, который оставляет свободу усмотрения, должны быть указаны его пределы”. При этом детали соблюдения норм и процедур не обязательно должны указываться в законе (там же Серия А, т. 61, с. 33—34, п. 88—89). Степень детализации, требуемой в этой связи от “закона”, зависит от специфики ситуации... Поскольку применение оперативных мер по тайному перехвату информации скрыто от заинтересован-

ных лиц, равно как и от широкой общественности, то если бы “закон” предоставил исполнительной власти права самостоятельно устанавливать пределы усмотрения, то он вступил бы в противоречие с принципом верховенства права.”

— о роли судьи: “она не знает границ. Именно закон конкретно и точно должен определить пределы и способы осуществления такого рода полномочий... с тем, чтобы гарантировать лицу надлежащую защиту его прав от произвольного вмешательства властей”. (Серия А, т. 30, с. 30, п. 47. т. 82, с. 32—33, п. 67—68).

31. Правительство заявило, что Суд должен проявлять осторожность и не решать в абстрактной форме, соответствует ли французское законодательство Конвенции, равно как не выносить решений *de lege ferenda*. Поэтому Суду, как считает Правительство, не надо касаться вопросов, не относящихся к делу г-на Крюслена, таких как прослушивание телефонных разговоров в связи с небольшими правонарушениями, или причин отсутствия нормы о том, что лицо, телефон которого прослушивался, должно быть проинформировано об этом в случае, если дело против него прекращено. Такие вопросы действительно связаны с условием “необходимо в демократическом обществе”, но должны рассматриваться конкретно в обстоятельствах каждого дела.

32. Суд не может согласиться с этими доводами Правительства. Призванный установить, действительно ли обжалуемое вмешательство властей “предусмотрено законом”, Суд безусловно должен оценить соответствующий французский “закон” с точки зрения требований фундаментального принципа верховенства права. Такой анализ обязательно будет несколько абстрактным. Тем не менее он говорит кое-что о качестве национальных правовых норм, применимых в настоящем деле г-на Крюслена.

33. Прослушивание и другие формы перехвата телефонных разговоров представляют собой серьезное вмешательство в личную жизнь и корреспонденцию и поэтому должны быть основаны на “законе”, который в этой части должен быть особенно точным. Требуются четкие и детально разработанные правила проведения подобных оперативных мероприятий, тем более что соответствующая технология постоянно развивается и усложняется.

В Комиссии (дополнительные замечания от 4 июля 1988 г., с. 4—7, суммированы в п. 37 доклада), и (в несколько иной форме) в Суде Правительство сообщило о семнадцати гарантиях, которые, по его словам, предусмотрены французским правом.

Они касаются как самого прослушивания телефонных разговоров, так и использования полученной таким образом информации, а равно средств исправления любого допущенного нарушения. Все эти гарантии действовали в отношении заявителя.

34. Суд никоим образом не умаляет ценности некоторых из этих гарантий, как-то: необходимость получения разрешения судебного следователя — независимого магистрата; контроль, который он осуществляет за действиями офицеров судебной полиции; контроль за действиями самого судебного следователя, осуществляемый Обвинительной палатой, самими судами, а в случае необходимости и Кассационным судом; исключение любых “хитростей” и “уловок”, то есть всякого рода “ловушек” или провокаций в процессе прослушивания телефонных разговоров; уважение конфиденциальности отношений между подозреваемыми или обвиняемыми и их адвокатами.

Однако необходимо отметить, что только некоторые из этих гарантий предусмотрены статьями 81, 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса в явной форме. Другие складывались в судебной практике в течение ряда лет, а большинство из них только после поступления жалобы на прослушивание телефонных разговоров от г-на Крюслена (июнь 1982 г.). Некоторые гарантии так и не нашли явного отражения в судебной практике, по крайней мере согласно собранной Судом информации. Похоже, что Правительство выводит эти гарантии из общих принципов или путем аналогии закона, или из судебных решений о следственных мероприятиях иного рода, например, процедуры обыска. Хотя такая “экстраполяция” сама по себе вполне возможна, тем не менее в контексте данного дела она не обеспечивает достаточной юридической надежности.

35. Самым главным является то, что в настоящее время вышеуказанная система не позволяет предоставить достаточных гарантий против возможности различного рода злоупотреблений. Например, ни в одном документе не определены категории лиц, телефоны которых могут быть прослушаны по постановлению суда, равно как не определен характер правонарушений, при котором возможно прослушивание. Ничто не обязывает судью определить продолжительность данной меры. Равным образом не установлен порядок составления итоговых протоколов фиксирующих прослушанные разговоры. Не оговорены меры предосторожности, которые должны приниматься для сохранения записей в целостности и сохранности на случай возможной проверки их судьей (сейчас он с трудом может установить номер и длину оригинальных лент) или адвокатом. Не определены обстоятельства, при которых записи могут или должны быть размагничены, а также когда необходимо уничтожать ленты с записями (например, при снятии обвинения или при оправдании судом). Информация, предоставленная Правительством по этим вопросам, свидетельствует в лучшем случае, о существовании определенной практики, которая не является обязательной за отсутствием закона и сложившейся судебной практики.

36. Короче говоря, французское право, писаное и неписаное, не устанавливает с разумной ясностью соответствующие пределы усмотрения властей в данной сфере, а также процедуру и методы проведения специальных оперативных мероприятий. Все вышесказанное еще более соответствовало истине в тот период, когда прослушивались разговоры заявителя. Таким образом г-ну Крюслену не была гарантирована минимальная степень защиты, на которую имеют право граждане в условиях верховенства права в демократическом обществе (см. вышеупомянутое решение по делу Мэлоун Серия А, т. 82, с. 36, п. 79).

В связи с этим Суд констатирует нарушение статьи 8 Конвенции.

В. Цель и необходимость вмешательства

37. С учетом вышеизложенного Суд, равно как и Комиссия (см. п. 77 доклада Комиссии), не видит необходимости в рассмотрении вопроса соблюдения по данному делу других требований статьи 8 п. 2.

II. Применение статьи 50 Конвенции

38. Статья 50 Конвенции гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или

частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Заявитель требует, во-первых, компенсацию в сумме 1 000 000 французских франков за пятнадцатилетнее тюремное заключение (см. п. 13 выше), которое, как он утверждает, явилось прямым результатом нарушения статьи 8 Конвенции, поскольку именно прослушивание его телефонных разговоров привело к возбуждению против него уголовного дела. Он требует также возмещения стоимости услуг адвоката, а именно 20 000 французских франков, по подготовке им апелляции на решение Обвинительной палаты от 16 апреля 1985 г. и 50 000 французских франков за услуги защитника в суде ассизов департамента Верхняя Гаронна и в Кассационном суде. Заявитель не выдвинул требования о возмещении расходов в связи с разбирательством дела в Страсбурге, поскольку Комиссия и Суд предоставили ему бесплатную судебную помощь.

Правительство и представитель Комиссии не выразили своего мнения по этим вопросам.

39. С учетом обстоятельств данного дела сам факт признания Судом нарушения статьи 8 является достаточным справедливым возмещением за требуемый заявителем ущерб. Соответственно отпадает необходимость в присуждении ему денежной компенсации.

40. Издержки и расходы, понесенные заявителем в судах, вынесших ему обвинительные приговоры, не могут быть приняты во внимание Судом. По заявлению г-на Крюслена, прослушивание телефонных разговоров, вне всякого сомнения, было использовано против него в двух судебных делах подряд. Однако Комиссия и Суд занимались только вопросом выполнения требований Конвенции в связи с делом Жерб Дор (см. п. 14 *in fine* выше).

Тем не менее сумма в 20 000 французских франков, испрашиваемая заявителем в связи с последним делом, является обоснованной и не завышенной и поэтому должна быть присуждена заявителю.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 8;
2. *Постановил*, что настоящее судебное решение само по себе представляет достаточное справедливое возмещение ущерба, на которое претендует заявитель;
3. *Постановил*, что государство-ответчик должно выплатить заявителю 20 000 (двадцать тысяч) французских франков в возмещение понесенных им судебных издержек и расходов;
4. *Отклонил* требования заявителя по статье 50 Конвенции в остальном.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 апреля 1990 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель